

РОСІЙСЬКА МОВА ТА ЛІТЕРАТУРА

Самойленко К.А.

аспірант,

*Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды*

К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМЫХ ОППОЗИЦИЯХ В ПЬЕСЕ ВЕЛ. ХЛЕБНИКОВА «СНЕЖИМОЧКА»

Драматургия Серебряного века – многомерный феномен, скрывающий множество лакун и требующий всестороннего осмысления. В последние годы исследователи проявляют повышенный интерес к изучению драматургии именно этого периода. В работах Е.А. Андрущенко [1], Е.С. Шевченко [9], О.Б. Мунтян [6] речь идет о драматургии русского символизма, в исследованиях Г.Л. Нефагиной [7], С.В. Колосовой [3] внимание сосредоточено на драматургии русского акмеизма и футуризма. Они избирают разные подходы к ее осмыслению. Наша работа посвящена анализу значимых оппозиций и творческого диалога в пьесе Вел. Хлебникова «Снежимочка» (1908). В ходе исследования обнаружилось, что данное произведение построено по антитетическому принципу, что прослеживается при изучении ряда оппозиций: «реальность – вымысел»; «люди – сказочные герои»; «город – лес»; «настоящее – прошлое»; «новое – старое»; «русское (славянское) – иностранное (западное)»; «материализм – идеализм»; «свое – чужое» и др. Д.Е. Лупеев назвал такой подход драматурга реализацией принципа «двоемирия» и высказал мнение о том, что он «повлиял на композицию ранних пьес Хлебникова» [5, с. 98].

Двойственность заметна уже на жанровом уровне. С одной стороны «Снежимочка» – традиционная рождественская сказка (наличие сказочных персонажей, двух миров, происходит чудо и др.), а с другой, – «в ней налицо издевка над самим этим жанром» [4, с. 172]. (В пьесе выражается политико-идеологическая позиция автора, что не типично для данного жанра; персонажи отрицают сказочное и воспринимают Снежимочку героиней представления: «Что это, из «Снегурочки» Римского-Корсакова?» [8, с. 170]. Налицо оппозиция «реальность – вымысел». Игра между реальностью и вымыслом подкрепляется и тем, что другие действующие лица воспринимают Снежимочку не только как героиню пьесы, но и как «видение» (*Славодей. Городовой...о, мой милый городовой... вот я, и вот мой вид на жительство... веди меня, куда хочешь, но ее оставь: не разрушай видения* [8, с. 172]); как «сон», «безумство» (*Некто. Ужас... где я ее видел? В какой грезде? Каком безумстве*) [8, с. 173], как галлюцинацию от опьянения (*Отставший спутник. Я пью или не пью?* [8, с. 173]). В таком многообразии

рецепции главной героини отражена тенденция сближения театра с жизнью, широко распространенная в произведениях той поры. Ощутима здесь также полемика с символистами: драматург использовал характерные для них символы «видение», «греза», «опьянение», но иронизирует над ними. Бытовые элементы (вид на жительство) противопоставлены «сказочному видению» – Снежимочке. Это особенно заметно в сцене, когда Городовой ведет героиню в участок.

Следующая оппозиция – «материализм – идеализм». Она очевидна в сцене, в которой действующие лица утверждают, что фольклорных персонажей не существует: «*Молодой рабочий* (радостно, вдохновенно). Так! И никаких, значит, леших нет. И все это нужно, чтобы затемнить ум необразованному человеку... Темному». *2-й человек*: «Вообще ничего нет, кроме орудий производства» [8, с. 166]. Однако характерно то, что у них на «глазах и морде» [8, с. 165] надеты повязки слепоты и глухоты. Они ничего не видят и не слышат, могут только говорить, но лесные духи (Снегич-Маревиц и Снезини) бросают им в рот снег, как будто стремясь заглушить такого рода заявления и лишить их даже речи. Абсурдное заявление 2-го человека выражает ироническое отношение Вел. Хлебникова к материализму и к «слепым и глухим» носителям «прогрессивных» идей. Они не способны проникнуть в окружающий их чудесный мир, поскольку «отвергшие – отвергнуты», а потому и «отвергнуты – отвергшие» [8, с. 166].

Во втором «дейме» оппозиция «материализм – идеализм» тесно переплетается с другой – «старое – новое». Люди беседуют с фольклорным персонажем – Ховуном: «*Ховун*. Нонче нороят все из нас книги... Старых разбойников нет. Те, что свистнут в два пальца, и откуда ни возьмись сивка-бурка пышет ноздрями. *1-й собеседник*. Складно сказано, дед. Читал ты, дедушка, Каутского? *Ховун*. Мы, барин, темные люди черной сотни. Живем в лесу, а и в гостях у нас либо ворон, либо вор. Не научены мы» [8, с. 170]. Вел. Хлебников противопоставляет современные материалистические идеи (упоминает немецкого историка, экономиста, философа и публициста К. Каутского) старому патриархальному строю («Черная сотня»). Люди, столкнувшись с представителями «сказочного мира», ведут себя непочтительно, конфликтуют, убивают Ховуна. По нашему мнению, эти действующие лица олицетворяют революционно настроенные слои, которые насильственными методами боролись со старым режимом. Симптоматично, что герои, выражающие противоположные писателю идеи, не имеют имен, говорят штампами, что подчеркивает пренебрежительно-ироническое отношение автора к этим идеям. В репликах Ховуна ощутима идеализация прошлого.

Следующая оппозиция «мир людей – сказочный мир». Как справедливо заметил Д.Е. Лупеев, в пьесе «Снежимочка» воплощен мотив пересечения границы: избушка Ховуна – пограничный рубеж между лесным сказочным миром и миром людей, а ее хозяин – страж этой границы, как Баба Яга в народных сказках. Наличие границы между мирами делает оппозицию

«сказочный мир – мир людей» более заметной, а поведение жителей одной и другой стороны тоже представляет собой противоположность: люди совершили преступление и скрылись, а «Лесная душа» (Снежимочка) идет в город, чтобы сотворить чудо, растопить лед, которым «стал люд» [8, с. 172], «расколдовать» сердца жителей холодного и отчужденного от природы города, чтобы восстановить утраченную связь времен (снять оппозицию настоящее-прошлое) и воплотить утопию «величия и венчания славян» [5, с. 85-86]. Отметим, что в городе тоже есть своеобразный страж – Городовой, однако его образ обезличен и подан с иронией.

Близкая к этой антитезе оппозиция «город – лес» выражена не столь ярко, как предыдущие. Автор даже несколько раз метафорически объединяет эти понятия: «о, город, из улиц каменный лишай», «дымнолиственный бор труб» [8, с. 176], однако поведение и нравы их обитателей представляют разительный контраст, о котором упоминалось выше.

Оппозиции «свое – чужое», «славянское – иностранное», «настоящее – прошлое» тесно связаны между собой. Для Вел. Хлебникова прошлое с его язычеством, патриархальным строем, национальным единением являлось идеалом. Исконное, национальное – это и есть «свое». Его концепция пересекается с идеей «Снегурочки» А.Н. Островского в том, что люди отошли от традиций, забыли исконную веру и очерствели сердцем: необходимо отбросить чужеродное и возродить национальную культуру. Вел. Хлебников смотрит в будущее с оптимизмом: люди клянутся носить только славянские одежды, не употреблять иностранных слов, «утвердить и прославлять русский обычай», «вернуть старым славянским богам их вотчину – верующие души славян» [8, с. 176]. Главная героиня, – Снежимочка, – в праздник очищения (Чистый день) растаяла огненными цветами, чтобы растопить и очистить сердца людей, вернуть их к истинному, исконному. Она – искупительная жертва за лучшее будущее славян: «Я тело чистое несу / И вам, о улицы, отдам. / Его безгрешным донесу / И плахам города предам. / Я жертва чистая расколам, / И отдаваясь всем распятьям, / Сожгу вас огненным глаголом, / Завяну огненным заклатьем». [8, с. 175]. Эта идея перекликается с пьесой Островского, где смерть героини стала приношением Яриле. Как нам представляется, мотив искупительной жертвы также перекликается с рассказом Максима Горького «Старуха Изергиль» (1894). Снежимочка, как и Данко, принесла себя в жертву ради блага других. Сходство заметно при сравнении двух эпизодов: «Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг» [2, с. 354], а Снежимочка «растаяла» голубыми цветами, которые «горят как свечи» [8, с. 177] (курсив наш – К.А.). Она, как и Данко, должна стать светочем, который выведет современное поколение из мрака неверия и бездуховности, приведет к национальному единению. Однако их отличает то, что люди благодарны Снежимочке, они не топчут ее жертву, а «благоговейно» срывают цветы, которые горят как свечи, несут их домой и обещают помнить ее заветы.

По нашему мнению, в авторской концепции образа Снежимочки немаловажную роль играет мотив сакральной жертвы: героиня предает «безгрешное тело» «плахам города» и «отдается «всем распятым». Это предположение подтверждает эпизод, где матери выносят детей и просят Снежимочку «благословить» их. В пьесе присутствуют аллюзии на библейский текст, подкрепляющие разворачивающийся библейский мотив (Ср.: «*Кто-то из присутствующих. Вы пришли позже. Здесь разрушали царства, там создавали новые*» [8, с. 176]. «Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный» [Мк.: 14, 58]).

Таким образом, в пьесе присутствует творческий диалог с произведениями А.С. Пушкина, А.Н. Островского, Максима Горького, библейскими легендами, эстетикой символизма, благодаря которым раскрываются особенности драматургии Вел. Хлебникова.

Список использованных источников:

1. Андрущенко Е.А. Мережковский неизвестный. Книга о Мережковском-драматурге: монография [Текст] / Е.А. Андрущенко. – Харьков: Крок, 1997. – 486 с.
2. Горький М. Старуха Изергиль [Электронный ресурс] / М. Горький // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 1: Повести. Рассказы. Стихи (1892-1894). – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. – С. 337-357.
3. Колосова С.В. Драматургія М.С. Гумільова: стилізація та інтертекст [Текст] : : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня кандидата філол. наук : спец. : 10.01.02. – «Російська література» / С.В. Колосова. – Харків, 2012. – 19 с.
4. Леннkvист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова / Б. Леннkvист [Пер. с англ. А.Ю. Кокотова]. – СПб., Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. – 237 с.
5. Лупеев Д.Е. Традиции эпического жанров русского фольклора в творчестве Велимира Хлебникова [Электронный ресурс]: Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук : 10.01.01 – рус. лит. / Д.Е. Лупеев. – Астрахань, 2005. Режим доступа: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EVD/10.01.00/050177048.pdf>
6. Мунтян О.Б. Драматургія З.М. Гіппіус [Текст] : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня кандидата філол. наук : спец. : 10.01.02. – «Російська література» / О.Б. Мунтян. – Харків, 2011. – 19 с.
7. Нефагина Г.Л. Поэтика драматургии футуристов и ОБЭРИУТОВ (к вопросу о приемственности) / Г.Л. Нефагина // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. V. – Мн.: Н 34 РИВШ БГУ, 2008. – С. 77-95.
8. Хлебников В. Снежимочка Собр. соч.: в 6 т. / Велимир Хлебников [Под ред. Р.В. Дуганова]. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4. Драматические поэмы. Драмы. Сцены (1904 – 1922). – С. 164-177.
9. Шевченко Е.С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х -1930-х гг. [Текст] : Диссертация на соискание ученой степени доктора филол. наук : 10.01.01 – рус. лит. / Е.С. Шевченко. – Самара, 2010. – 484 с.